

28.6
С47



Н. Сладков

СОРОЧЬИ ТАРАТОРКИ

Николай Сладков

СОРОЧЬИ ТАРАТОРКИ

РАССКАЗЫ И СКАЗКИ



*Рисунки М. Беломлинского, Т. Васильевой,
Т. Капустиной, В. Курдова, К. Овчинникова*

*Оформление В. Курдова
Макет М. Беломлинского*

ЛЕНИНГРАД «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1974

84 88

Крылья у сороки шустрые — везде поспеваает. Глаза у сороки острые — всё замечает. Только поднимется зимой рыба к проруби — сорока тут как тут! Вспорхнёт весной первая бабочка над проталиной — сорока первая её заметит. Выглянет летом мышь из норы — сорока уже к норе скачет. Только начнёт заяц осенью летний свой пиджачишко на зимнюю шубу менять — сорока на весь лес затараторит. На трескучем сорочьем наречии: «Тра-та-та! Тра-та-та!»

По сорочьим тараторкам о многом в лесу можно узнать. Но без переводчика не обойтись. Вот и дело нашлось: переводить с сорочьего на человеческий. И от себя вставить словечко. Чтобы всё было ясно.



Я Н В А Р Ь

Январь — месяц больших молчаливых снегов. Прилетают они всегда вдруг. Вдруг ночью зашепчутся, зашепчутся деревья — что-то творится в лесу. К утру станет видно: пришла настоящая зима! Лес утонул в дремучих сугробах. Под холодным сводом неба, покорно склонив тяжёлые головы, застыли скорбные белые деревья.

Вместе со снегом налетели и набежали в лес диковинные невиданные существа. Они расселись по пням и сучкам, вскарабкались на ёлки и сосны — странные белые фигурки, неподвижные, незнакомые, но на что-то очень похожие...

Тут вылез из сугроба лесной человечек в огромной белой папахе. Там на пеньке сидит не то белочка, не то зайчик. Сложил он белые лапки на белое пузечко, молчит и смотрит на белый лес. На камне у речки белая Алёнушка: склонила голову на плечо, подпёрла белой ладошкой белую щёчку. Обласкало солнце пригорюнившуюся Алёнушку, и с мохнатых хвойных ресниц её закали слёзы...

А вот зверёк-оборотень. Сделай шаг в сторону, посмотри чуть со стороны — и обернётся зверёк простым сучком, запорошённым снегом. Вот птица не птица, зверь не зверь: пальцем тронь — рассыплется в прах.

Белые медведи и белые совы. Зайцы, куропатки, белочки. Сидят, лежат и висят.

Полон лес диковинных птиц и зверей. Хочешь увидеть их — поторопись. А то дунет ветер — поминай как звали!

КАК МЕДВЕДЯ ПЕРЕВОРАЧИВАЛИ

Натерпелись птицы и звери от зимы лиха. Что ни день — метель, что ни ночь — мороз. Зиме конца-краю не видно. Разоспался Медведь в берлоге. Забыл, наверное, что пора ему на другой бок перевернуться.

Есть лесная примета: как Медведь перевернётся на другой бок — так солнце повернёт на лето.

Лопнуло у птиц и зверей терпение. Пошли Медведя будить:

— Эй, Медведь, пора! Зима всем надоела! По солнышку мы соскучились. Переворачивайся, переворачивайся, пролежни уж небось?

Медведь в ответ ни гу-гу: не шелохнётся, не ворохнётся. Знай посапывает.

— Эх, долбануть бы его в затылок! — воскликнул Дятел. — Небось бы сразу зашевелился!

— Не-ет, — промычал Лось, — с ним надо почтительно, уважительно. Ау, Михайло Потапыч!. Услышь





ты нас, слёзно просим и умоляем — перевернись ты, хоть не спеша, на другой бок! Жизнь не мила. Стоим мы, лоси, в осиннике, что коровы в стойле, — шагу в сторону не шагнуть. Снегу-то в лесу по уши! Беда, коли волки нас пронюхают.

Медведь ухом пошевелил, ворчит сквозь зубы:

— А мне какое до вас, лосей, дело? Мне снег глубокий только на пользу: и тепло, и спится спокойно.

Тут Белая Куропатка запричитала:

— А не стыдно, Медведь? Все ягоды, все кустики с почками снег закрыл — что нам клевать прикажешь? Ну что тебе стоит на другой бок перевернуться, зиму поторопить? Хоп — и готово!

А Медведь своё:

— Даже смешно! Зима вам надоела, а я с боку на бок переворачивайся! Ну какое мне дело до почек и ягод? У меня под шкурой сала запас.

Белка терпела-терпела — не вытерпела:

СОРОКА И КРОТ

— Хорошо, Крот, тебе под землёй! А у нас семь бед на день: то снег, то ветер, то заморозок.

— Это кому ж хорошо — мне, что ли?

— Тебе, убогий! Под землёй — как под крышей.

— Это кто же под крышей — я, что ли?

— Ты, ты, а кто же! Тебе хорошо, ты под крышей!

— Так полезай ко мне, и тебе хорошо будет!

— Я? Под землю? Нет уж, лучше в лесу: семь бед — один ответ!



— Ах ты тюфяк мохнатый, перевернуться ему, видишь ли, лень! А ты вот попрыгал бы по веткам мороженым, лапы до крови ободрал бы, как я!.. Переворачивайся, лежебока, до трёх считаю: раз, два, три!

— Четыре, пять, шесть! — насмехается Медведь. — Вот напугала! А ну — кыш отседова! Спать мешаете.

Поджали звери хвосты, повесили птицы носы — начали расходиться. А тут из снега Мышка вдруг высунулась, да как запищит:

— Такие большие, а испугались? Да разве с ним, куцехвостым, так разговаривать надо? Ни по-хорошему, ни по-плохому он не понимает. С ним по-нашенски надобно, по-мышиному. Вы меня попросите — я его мигом переверну!

— Ты, Медведя?! — ахнули звери.

— Одной левой лапкой! — похваляется Мышь.

Юркнула Мышь в берлогу — давай Медведя щекотать. Бегает по нему, коготками царапает, зубками

ЛИСА

И ЗАЯЦ

— Почему это, Заинька, у тебя такие длинные ушки? Почему это, серенький, у тебя такие быстрые ножки?

— А всё потому, Лисонька, что уж очень у тебя шажки тихие да уж очень острые зубки!



прикусывает. Задёргался Медведь, завизжал поросёнком, ногами задрыгал.

— Ой, не могу! — завывает. — Ой, перевернусь, только не щекочи! О-хо-хо-хо! А-ха-ха-ха!

А пар из берлоги — как дым из трубы.

Мышка высунулась и пищит:

— Перевернулся как миленький! Давно бы мне сказали.



Ну, а как перевернулся Медведь на другой бок — так сразу солнце повернуло на лето. Что ни день — солнце выше, что ни день — весна ближе. Что ни день — светлей, веселей в лесу!



ЯСТРЕБ И ОЛЯПКА

— Ну, Оляпка, попалась: сейчас я тебя сцапаю!

— А я, Ястреб, от тебя в полынью нырну.

— А я тебя у полыньи подкараулю!

— А я во вторую полынью выскочу.

— А я у второй подкараулю!

— А я тогда в первую выскочу.

— А я... И долго ты так от полыньи к полынье будешь мотаться?

— Да пока тебе за мной гоняться не надоест!



ОКУНЬ И НАЛИМ

— Чудеса подо льдом! Все рыбы сонные, апатичные — один ты, Налим, бодренький да игривый. Что с тобой такое, а?

— А то, что для всех рыб зимою—зима, а для



меня, Налима, зимою — лето! Вы, окуни, дремлете, а мы, налимы, свадьбы играем, икру мечем, радуемся-веселимся!

— Айда, братцы-окуни, к Налиму на свадьбу! Сон свой разгоним, повеселимся, налимель икоркой закусим...

ПТИЧЬИ СТОЛОВЫЕ



А мы строим птичьи столовые. Самые разные. Кто — целые сказочные домики пряничные. Кто — столики самобранные. Строим на земле шалашики из елового лапника. В них забегают овсянки и воробьи и залетают снегири и синицы. А некоторые ухитрились сделать птичьи кафе-автоматы. Насыпали в бутылку зерно, перевернули её над полочкой, укрепили. И теперь не надо три раза в день засыпать на полочку корм, птицы сами себя обслуживают.

Но самая, пожалуй, необычная птичья столовая — водяная! О ней особо рассказать стоит.



СТОЛОВАЯ-ПРОРУБЬ



Бывают такие быстрые речки, что в них зимой не везде замерзает вода. У такой полыньи, у живой воды, любят зимовать птички оляпки. Целыми днями летают они у полыньи, садятся на обледенелые камни, весело приседают, кланяются и даже поют. Да так звонко, весело и старательно, что даже из клюва парок вырывается! И хоть мороз, а они купаются, плавают и ныряют. Но всё это только до той поры, пока сильный мороз не скуёт полынью. На дно не нырнуть, водяных жуков и личинок не достать. Тут уж не до песен. Сидят на камнях скучные и голодные. Вот тут-то и надо взять длинный шест и разбить лёд в полынье. Это нетрудно: лёд ещё тонкий, глубина под ним по колено, а бить можно прямо с берега. И оляпки тогда не улетят на другую речку, а останутся тут жить: жуков ловить, вас веселить.

ВЫДРА И ВОРОН

— Скажи, Ворон, мудрая птица, зачем люди костёр в лесу жгут?

— Не ожидал я, Выдра, от тебя такого вопроса. Промокли в ручье, замёрзли, вот и костёр разожгли. У огня греются.

— Странно... А я зимой всегда в воде греюсь. В воде ведь морозов никогда не бывает!



сердитые ГОЛОСА



Скрипела-гадала в лесу старая ёлка: «Жаловаться — не жаловаться, жаловаться — не жаловаться, жаловаться... Ну, раз вышло «жаловаться» — пожалуюсь!

Росли вокруг меня десять дочерей — ёлочек-красавиц! Росли, меня, старуху, радовали. Все как одна: яркие, зелёные, стройные! Им бы жить да жить! Но под Новый год пришёл дед с топором и — всех под корешок! Расшумелась я, а он мне и говорит:

— Молчи, ворчунья старая! Дочкам твоим честь великая, будут с ребятами Новый год встречать. Разукрасят их лентами да ожерельями, оденут в серебро да золото, конфетами и пряниками одадут, хороводы вокруг них водить станут. Радоваться надо, а не скрипеть, темнота ты лесная!

Порадовалась я тогда, а сейчас вижу: отводили ребята вокруг ёлочек хороводы, украшения сняли, да и выбросили их на помойку. Были ёлки — стали палки.

Тра-та-та-та! Что я видела, что я слышала! Ребята птицам прекрасную столовую — большую, бесплатную, с самообслуживанием! — устроили, а они, неблагодарные, на соседнем сугробе на них жалобы пишут! Привередничают и капризничают.

Чечётки лапками на снегу наследили:

«Семечки и конопля в столовой не давлены. Ключ свихнёшь, пока их раску-

ЖАЛОБЫ

сишь! У нас от такой пищи мозоли на языке!»

Большая синица носом выстукала:

«Сало салу рознь! Могли бы вывешивать и несолёное, у нас от солёного животы болят!»

Пухляк коготком нацарапал: «Безобразие! Прилетел перекусить, а столовую снегом

Жалко мне дочерей, да и ребят жалко: что это за Новый год, если без ёлки? А как быть, не придумаю. Ох ты, головушка моя тёмная, дремучая...

Жаловаться — не жаловаться, жаловаться — не жаловаться? Скрип-скрип, скрип-скрип...»

Ж

Полвека прожила я на свете и всё думала, что я берёза. Но прошлой весной подошёл ко мне турист и на боку у меня вырезал — «ВАНЯ». Летом дачник подошёл и вырезал — «ЛЕНЯ». Осенью грибник присел отдохнуть. Посидел в тени, отдохнул и вырезал на коре — «МИША». А зимой подкатил лыжник, прочитал на мне все имена, воткнул палки в снег, вытащил огромный ножище и вывел — «ЭДУАРД». Так что же я наконец: берёза или Эдуард? И почему все, кому не лень, тычут в меня ножами?



НА СУГРОБЕ



засыпало! До вечера коноплю раскапывал. Хоть бы навес сделали, что ли!»

Овсянка напрыгала:

«Осталась голодная, обед ветром сдуло! Кто сделал кормушку без бортиков? Ветер у него в голове!»

Снегирь хвостом начертил:

«Где семена сорняков? Где рябина, калина и бузина? Где арбузные и дынные семена?»

Тра-та-та-та! Ой, что-то будет, ой, кто-то рассердится!



ФЕВРАЛЬ

Февраль — пора низкого солнца и длинных теней. Мороз и иней! Берёзы стоят пушистые и розовые. Лиственные берёзы стали хвойными, все в белых сверкающих иголочках. Каждый прутик, каждая былинка нарядны и праздничны. Всюду лебяжий пух: топнешь лыжей — и вихрь снежинок взлетает выше головы!

Тишина. И только потрескивает, постукивает что-то в лесу — не то мороз, а может, и дятел.

Плывёт за окном белая дремлющая земля. Но вот миновала ночь — и за окном уже новые места.

Свистит метель — от земли до неба весёлая кутерьма! Испуганные берёзки вытянули по ветру тонкие руки-ветви, а чёрные строгие ели хмуро покачивают головами и осуждающе хлопают себя по бокам косматыми лапами.

А ветер свистит, и снег метёт, дышать не даёт, слепит глаза, сталкивает с дороги, заносит следы. И солнце сквозь снежную муть — как багровый летящий шар.

Ещё миновала ночь — и за окном уже новый вид.

Снег стал сырой и пористый. Деревья чёрные и мокрые. Дует тёплый ветер, дали туманны и скучны. Солнца не видно, небо серое, низкое, тяжёлое. На чёрных ветвях набухли капли. В лужах толкуются голуби и воробьи. Голоса людей разносятся громко и резко. Машины разбрызгивают грязный снег.

С каждым новым днём новые события и новые открытия. С каждым новым днём всё больше за окном света. Всё длинней вырастают на крышах сосульки. Всё короче тени. Маленькая синичка не испугалась зимы и пропела свою первую весеннюю песенку. Воробьи становятся всё беспокойнее и задиристей. Воркуют — даже по ночам — голуби. На улицах продают южные цветы мимозы.

ВОРОБЕЙ И СИНИЦА

— Угадай, Синица, какое у людей самое страшное оружие?

— Ружьё?

— Э-э, не угадала!

— Пушка?

— Опять не угадала!

— Какое же тогда, Воробей?

— Рогатка. Из пушки-то по воробьям не стреляют, а из рогатки — только успевай отскакивай! Я-то уж знаю, я-то стреляный воробей!



СОРОКА И ВОЛК

— Эй, Волк, чего ты хмурый такой?

— От голода.

— И рёбра торчат — выпирают.

— От голода.

— А воешь отчего?

— От голода.

— Вот и говори с тобой! Заладил, как со-рока: от голода, от голода, от голода! Чего это ты нынче такой неразговорчивый?

— От голода...



БЮРО ЛЕСНЫХ УСЛУГ

Нагрянул в лес холодный февраль. На кусты сугробы намёл, деревья инеем опушил. А солнышко хоть и светит, да не греет.

Пригорюнились птицы и звери: как дальше жить? Хорёк говорит:

— Спасайтесь, кто как может!

А Сорока стрекочет:

— Опять всяк сам за себя? Опять поодиночке? Нет, чтоб нам сообща против общей беды! И так уж все про нас говорят, что мы в лесу только клюёмся да грызёмся. Даже обидно...

Тут Заяц ввязался:

— Правильно Сорока стрекочет. Один в поле не воин. Предлагаю создать Бюро лесных услуг. Я вот, к примеру, куропаткам помочь могу. Я снег на озимях

КОРОЛЁК И ПУХЛЯК

— Ну, брат Королёк, и растолстел же ты за зиму! Сразу и не узнаешь — эвон какой верзила. Что в длину, что в ширину. Тяжелей меня небось стал?

— Тяжелей тебя, Пухляк, разве станешь... Вон ты дылда какой, сучки под ногами ломаются, ветки до земли гнутся. Сколько веса-то уже набрал?

— Я-то? Да десять граммов тяну, а ты?

— А я семь...



каждый день до земли разрываю, пусть они после меня там семена и зелень клюют — мне не жалко. Пиши меня, Сорока, в Бюро под номером первым!

— Есть-таки умная голова и в нашем лесу! — обрадовалась Сорока. — Кто следующий?

— Мы следующие! — закричали клесты. — Мы шишки на ёлках шелушим, половину шишек целыми вниз роняем. Пользуйтесь, полёвки и мыши, не жалко!

«Заяц-копатель, клесты-бросатели», — записала Сорока.

— Кто следующий?

— Нас запиши, — проворчали бобры из своей хатки. — Мы осенью столько осин навалили — на всех хватит. Приходите к нам, лоси, косули, зайцы, сочную осиную кору да ветки глодать!

И пошло, и пошло! Дятлы дупла свои предлагают для ночлега, вороны приглашают на падаль, вороны свалки показать обещают. Сорока еле записывать успевает.

Притрусил на шум Волк. Ушами попрядал, глазами позыркал и говорит:

— Запиши и меня в Бюро!



Солнце. Все говорят: круглый год, круглый год! А почему год круглый? Да потому, что Земля вокруг меня мчится по кругу. Как полный круг сделает — так и год.

Дуб. И совсем не потому! Год потому круглый, что за год на всех деревьях годовое кольцо нарас-



Сорока чуть с дерева не упала:
— Тебя, Волка, в Бюро услуг? Что же ты в нём
хочешь делать?



тает. Как год — так новое кольцо.
А кольцо — тот же круг!

Ёлка. Нет, друзья, нет и нет!
Всем вам известно, что мы, ёлки,
круглый год зелёные. А как же мы
могли бы быть зелёными круглый
год, если бы сам-то год был бы не
круглый?..





— Сторожем буду служить, — отвечает Волк.

— Кого же ты сторожить можешь?

— Всех сторожить могу! Зайцев, лосей и косуль у осинок, куропаток на зеленях, бобров в хатках. Я сторож опытный. Овец сторожил в овчарне, кур в курятнике...

— Разбойник ты с лесной дороги, а не сторож! — закричала Сорока. — Проходи, проходимец, мимо! Знаем мы тебя. Это я, Сорока, буду всех в лесу от тебя сторожить: как увижу, так крик подниму! Не тебя, а себя сторожем в Бюро запишу: «Сорока-сторожиха». Что я, хуже других, что ли?

Так вот и живут птицы-звери в лесу. Бывает, конечно, так живут, что только пух да перья летят. Но бывает, и выручают друг друга. Всякое в лесу бывает.

ЕЛОВАЯ КАША

У всех день рождения — радость. А у клестят — беда.

Ну что за радость вылупиться зимой? Мороз, а ты голышом. Один затылок пухом прикрыт.

У всех птиц родители как родители, детей летом выводят, когда тепло и сытно. Одним клестам законы не писаны. Высидели клестят зимой, да ещё двадцать девятого февраля! Что это за день рождения, который бывает один раз за четыре года? Прямо хоть плачь: ни зелени, ни гусеничек, снег, холод... А родителям хоть бы что! Вон, папа-клёст сидит себе на ёлке и песни поёт. А у самого пар из клюва. Будто трубку курит.

Это я так про клестят думаю.

ЗАЯЦ И ПОЛЁВКА

— Мороз и вьюга, снег и холод. Травку зелёную понюхать захочешь, листочков сочных погрызть — терпи до весны. А где ещё та весна — за горами да за морями...

— Не за морями, Заяц, весна, не за горами, а у тебя под ногами! Прокопай снег до земли — там и брусничка зелёная, и манжетка, и земляничка, и одуванчик. И нанюхаешься, и наешься.





сердитые ГОЛОСА



2
X4

Безобразия какие — прямо на голову наступают! Нет чтобы стороной обойти! Шею набок сворачивают! Эй, нельзя ли поосторожней!

Хватай его за лыжи, цепляй его за ноги!

Жалуемся на лыжников! Снег все молодые посадки по шейку засыпал, сверху одни макушки торчат. А лыжникам всё нипочём: топчут нас, ломают и портят! Во всех парках и садах. Да и в лесу. Для них шуточки, а мы на всю жизнь калеки. Просим внимания и защиты!

МОЛОДЫЕ ДУБКИ,
ЛИПКИ, КЛЕНЫ И ЕЛОЧКИ

Только вижу, что сами клестята живут не тужат. Клестята кашу едят.

Хороша каша из еловых семян!

Каши наедятся — и спать. Снизу гнездо — как пуховая перинка, сверху мама — как перьяное одеяльце. А изнутри каша греет. Ёлка клестят баюкает, ветер им песни мурлычет.

Немного дней прошло — выросли клестята. Ни горлышки не застудили, ни носы не отморозили. Да толстые такие, что в гнезде тесно. И неугомонные: чуть из гнезда не вываливаются. Это, наверное, всё от забот маминых и от еловой каши. А ещё от яркого солнышка и морозного ветра.

Нет, день рождения — всегда счастливый день.

Пусть даже зима и мороз. Пусть даже двадцать девятого февраля. Всё равно!

Оголодали, продрогли, измучились!

Жалуемся на своих сердобольных и жалостливых хозяев! Знаете, что они выдумали? Они выпустили нас на свободу! И думают, что сделали доброе дело. А что нам на этой свободе сейчас есть и пить? Где от мороза прятаться? Ведь мы птицы летние, да ещё и в клетках изнежились. Уж подождали бы до тёплого мая! Не выпускали бы нас раньше времени на погибель.

ЗАРЯНКИ,
ДРОЗДЫ, ЗЯБЛИКИ
И ДРУГИЕ ЛЕТНИЕ ПТИЦЫ





МАРТ

Зима кончается, весна начинается. Но зима не сдаётся без боя. Кто кого!

За весну вступается день: становится всё длинней, теплей, светлей. Дневное солнце рушит снеговые крепости, всюду звенит капель, везде проступает живая вода.

Но у зимы есть союзник — ночь. Ночью мороз опять заковывает воду в ледяную броню и бронёй-настом покрывает подтаявшие снега.

Утром хоть глаз зажмурь: вверху сверкает солнце, внизу сверкают снега! На синем небе — «кошачьи хвосты» белых облаков, на белой земле — синие тени деревьев.

У домов галдят воробьи и воркуют голуби.

В лесу звенят синицы и громко барабанят дятлы.

На иве у раскисшей дороги поёт овсянка, всем проезжающим выговаривает: «Смени сани, возьми во-з-з-з!»

А тем, кто поутру несёт скотине сено, слышится в песенке овсянки другой совет: «Неси, неси, не тру-с-с-си!»

И верно: сена за зиму поубавилось, беречь надо. Да и сани пора на телегу менять.

Оживают в марте леса. Загустели кроны — это набухли на ветвях почки. Ветви у берёз, тальников стали бронзовыми. Такой цвет называют мартовским загаром.

У птиц началось движение. Зимние гости — снегири, чечётки, свиристели, шуры — потихоньку улетают на север. А с юга уже летят грачи, скворцы, жаворонки.

Для скворцов везде вывешивают скворечники.

В марте «щука хвостом лёд разбивает». В марте «курица из лужицы напьётся».

Истосковались по живой воде зимующие птицы: всю зиму глотали снег. Пьют из луж сороки, вороны, галки.купаются воробьи — отмывают зимнюю грязь. На берегах бормочут тетерева. Растёт шум в полях и лесах.

Весенний шум.

СОРОКА И ЗАЯЦ

— Слушай, заяц, все говорят, что осина страсть горькая. А ты, смотрю, грызёшь её и даже не жмуришься!

— А я, Сорока, осинку на третье блюдо употребляю. Когда на первое только воздух свежий, на второе — прыжки по снегу, так и горькая осина на третье слаще мёда покажется!



ПТИЦЫ ВЕСНУ ПРИНЕСЛИ

Грачи прилетели — проталины принесли. Трясогузки-ледоломки лёд на реке раскололи. Зяблики появились — зелёная травка заворсилась.

Дальше — больше. Пеночки прилетели — цветы запестрели. Кукушка вернулась — листья на берёзах проклюнулись. Соловьи показались — черёмуха зацвела.

Весна так и делается: каждый понемножку.

ВОРОБЬИНЫЙ ТЕРМОМЕТР

Птицы у меня не бездельничают. Воробьи у меня, например, температуру показывают. Как термометры. Утром только взглянул в окно на кормушку — и уже знаю, тепло на улице или холодно, надевать рукавицы и шарф или не надевать.

Если воробьи гладенькие и поджарые, значит тепло на улице, а если пухлые и взъерошенные, словно надутые шарики, значит мороз трескучий, береги уши и нос! И хоть бы когда подвели меня воробьишки.



СТЕКЛЯННЫЙ ДОЖДЬ

Слышно было, как уходил ночью из леса мороз. Он стучал клюкой по деревьям всё тише, всё дальше.

Я вышел во двор и долго стоял, вглядываясь и вслушиваясь. В воздухе плыл шорох.

Уху знакомо шуршание трав, кустов и ветвей. Но сейчас шуршало ни на что не похоже. Казалось, шуршит сам воздух. Шуршит и чуть слышно позванивает.

На смену морозу пришла оттепель.

Я вытянул в темноту ладонь. В ладонь стали показывать крохотные иголки. Ничего было не видно, но что-то творилось в лесу.

Утром все увидели: снег заковала хрустящая глазурная корочка. Ветви берёз и хвоя сосен оделись в стеклянные чехолики. Всё похрустывает и позванивает, как обёрнутое в скрипучий целлофан. Стены, заборы оплыли матово-голубым льдом.

Сыплет мелкая водяная пыль. Невидимые капельки, не долетая до земли, замерзают в льдинки. Льдинок тоже не видно, но слышно — шорох и звон!

Сыпучий снег стал гремучим. Глазурная корочка с грохотом проламывается и рушится под сапогом. В проломах — белые битые черепки.

Всё шуршит, хрустит и звенит. Звонкий весенний денёк!





З И М Н И Е Д О Л Г И

Расчирикался воробей на навозной куче — так и подскакивает! А ворона-карга как каркнет своим противным голосом:

— Чему, воробей, возрадовался, чего расчирикался?

— Крылья зудят, ворона, нос чешется, — отвечает воробей. — Страсть драться охота! А ты противно не каркай, не порть мне весеннее настроение!

— А вот испорчу! — не отстаёт ворона. — Как задам вопрос!

— Во напугала!

— И напугаю. Ты крошки зимой на помойке клевал?

— Клевал.

— А зёрна у скотного двора подбирал?

— Подбирал.





- А в птичьей столовой у школы обедал?
 - Спасибо ребятам, подкармливали.
 - То-то! — надрывается ворона. — А чем ты за всё это расплачиваться думаешь? Своим чириканьем?
-

БАРСУК И МЕДВЕДЬ



- Что, медведь, спишь ещё?
- Сплю, барсук, сплю. Так-то, брат, разогнался — пятый месяц без просыпу. Все бока отлежал!
- А может, медведь, нам вставать пора?
- Не пора. Спи ещё.
- А не проспим мы с тобой весну-то с разгону?
- Не бойся! Она, брат, разбудит.
- А что она — постучит нам, песенку споёт или, может, пятки нам пощекочет? Я, Миша, страх как на подъём-то тяжёл!
- Ого-го! Небось вскочишь! Она тебе, Боря, ведро воды как даст под бока — небось не залежишься! Спи уж, пока сухой.

— А я один, что ли, пользовался? — растерялся воробей. — И синица там была, и дятел, и сорока, и галка. И ты, ворона, была...

— Ты других не путай! — хрипит ворона. — Ты за себя отвечай. Брал в долг — отдавай! Так все порядочные-то птицы делают.

— Порядочные, может, и делают, — рассердился воробей, — а вот делаешь ли это ты, ворона?

— Я раньше всех расплачусь! Слышишь, трактор тарахтит, к пахоте готовится? Вот выйдет пахать, — я за ним из борозды всяких корнеедов и корнегрызов выбирать буду. И сорока, и галка мне помогут. А на нас глядя, и другие птицы стараются.

— Ты тоже за других не ручайся! — упирается воробей. — Другие, может, и думать забыли.

Но ворона не унимается:

— А ты слетай да проверь!

Полетел воробей проверять. Прилетел в сад, там синица в новой дуплянке живёт.

— Поздравляю с новосельем! — воробей говорит. — На радостях-то небось и про долги зимние позабыла?



СОРОКА И ВОРОБЕЙ

— Чего это ты, Воробей, раз-задавался? Чего это ты расширился? Все хорошие певцы помалкивают ещё, а тебя прорвало — орёшь и подскакиваешь!

— Эх, Сорока, мне-то с моим голосом только и петь, пока другие молчат! На безрыбье и рак рыба, на бесптичье и воробей соловей! Чик-чирик!





— Не забыла, воробей, что ты! — отвечает синица. — Меня ребята зимой сальцем угощали, а я их осенью сладкими яблочками угощу. Сад стерегу от плодояжорок и листогрызов. Глаз не спускаю!

Полетел воробей дальше. Прилетел в лес, там дятел стучит. Увидал воробья, удивился:

— По какой нужде, воробей, ко мне в лес прилетел?

— Да вот расчёт с меня требуют, — чирикает воробей. — А ты, дятел, как расплачиваешься?

— Уж так-то стараюсь, — отвечает дятел. — Лес от древоотцев и короедов оберегаю. Бьюсь с ними не щадя живота! Растволстел даже...

— Ишь ты, — задумался воробей. — А я думал...

Вернулся воробей на навозную кучу и говорит вороне:

— Твоя, карга, правда! Все за зимние долги отработывают. А я что — хуже других? Как начну вот летом птенцов своих комарами, слепнями да мухами кормить! Чтoб кусаки эти ребят не жалили, скотину не грызли. Мигом долги верну!

Сказал так и давай опять на куче навозной подскакивать и чирикать. Пока ещё время свободное есть. Пока воробьята в гнезде ещё не вылупились.

сердитые ГОЛОСА



Обрадовались мы, кусты ивы, мартовскому солнцу и зацвели. Зацвели на свою голову...

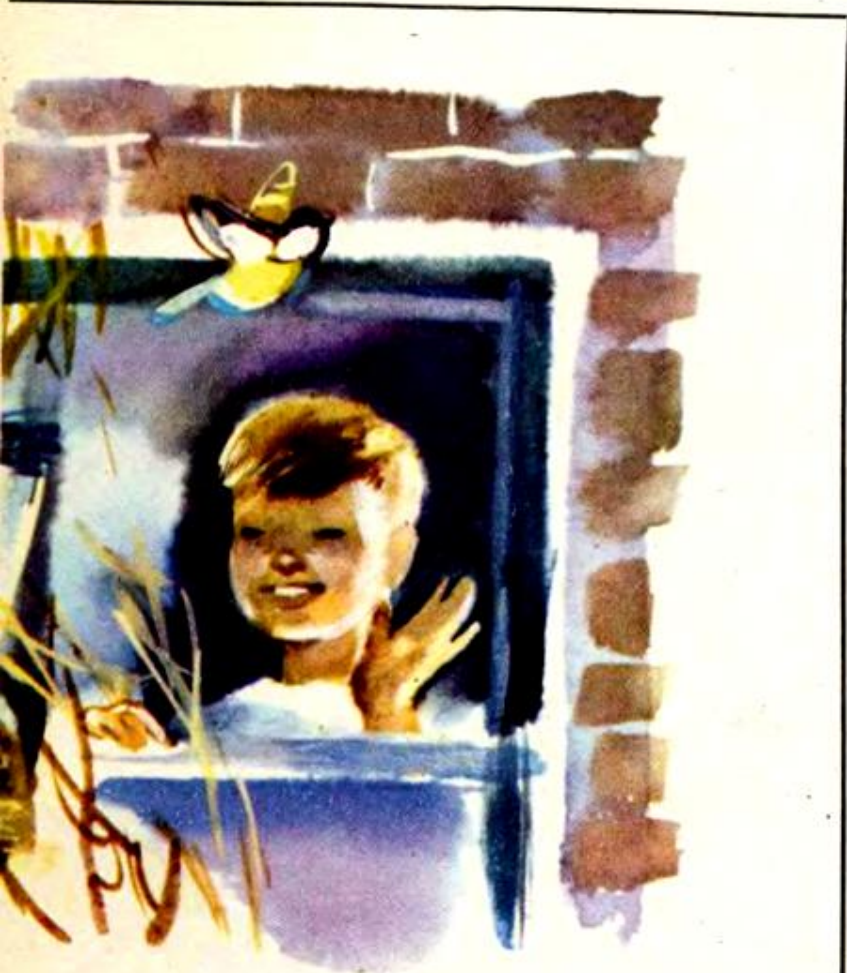
Кто пройдёт — букет наломает. Кто проедет — целые веники надерёт. Стоим обломанные, ободранные, сами себе противные. А зацветали — думали: сами радоваться будем и других радовать. Весной ведь на наши «барашки» летят за пыльцой мухи, и пчёлы, и шмели, и бабочки. Даже муравьи приползают. Птицы прилетают для охоты. Гул, бывало, над нами стоял — шум, суета, веселье!

А сейчас — ни себе, ни другим. Ветер, ветер — разнеси по земле наши печали!



ПТИЧИЙ

Хоть убей не могу утром проснуться! Мама будит — мычу, брат будит — лягаюсь. Наконец меня надоумили. Сделай, говорят, кормовую птичью полочку, да не простую, а с будильником. Укрепи на полочке прутик с колокольчиком и ломтиком сала. Я так и сделал. И просыпа-



БУДИЛЬНИК

юсь теперь на рассвете. Чуть посветлеет, а у меня уже колокольчик звонит за окном. Синички слетелись и теребят сало. И встаю, и умываюсь, и завтракаю под весёлый звон. Я уж и в школу иду, а птичий будильник всё не унимается! Надёжный. И заводить не надо. Знай сало меняй.

Предупреждаем!

Строят сейчас ребята для нас дома — скворечники и дуплянки. За это им наше птичье спасибо! Но по горькому опыту знаем мы, что бывают у них и брак, и недоделки.

То леток сделают широкий, что любая ворона или сорока голову просунет, а то и кошка пролезет. То из фанеры дом склеят — от дождей и солнца он весь покоробится. То крыша у дуплянки протекает, то у скворечника в щели дует. А то доски берут сырые, даже плесень на стенках растёт. А бывает, такой срубят скворечницу — ну чисто собачья конура!

Время ещё есть: исправьте все недостатки. Не вывешивайте негодные птицам домики. Нам ведь в них жить, детей выводить!

СКВОРЦЫ, СИНИЦЫ И ДРУГИЕ ДУПЛОГНЕЗДИКИ.





АПРЕЛЬ

Апрель — месяц первых цветов и последнего снега, пора вешнего солнца и вешней воды.

Ночью заморозит, днём распустит. То солнце, то дождь, а то вдруг и снег!

Под снегом журчит вода, через болото не пройти, в лесу вода, на полях вода, дождь моросит — апрель-водолей!

В апреле весна всё переделывает на свой лад. Каждый день новости. Каждый день новые звуки, новые краски, новые запахи.

Над проталинками запели жаворонки. Сколько проталин, столько и жаворонков. Чёрные золотиносые скворцы трепещут крылышками у скворечен и поют, поют без конца! В их песне слышится и свист куличка, и крик иволги, а то, бывает, и тихое кукареканье петуха или бляение ягнёнка.

Чёрные блестящие грачи шумно возятся у своих гнёзд и каркают басом.

Трясогузочка-ледоломка семенит ножками по бережку и покачивает длинным хвостом. Говорят, что она хвостом лёд на реке ломает.

Прилетели дикие утки, гуси, прилетели лесные кулики вальдшнепы и болотные кулики кроншнепы. Прилетели крикливые чибисы. И их кряканье, гогот, хорканье, свист и писк слились в общий весенний хор.

У дятлов своей песни нет, дятлы громко стучат клювами по сушине — треск на весь лес! Это называется «дятлы играют на барабане».

Громкими голосами птицы гонят из лесов и полей зимнюю тишину.

Тёплые струйки ветра приносят новые запахи — запахи нагретой земли, первых клейких листочков, первых цветов.

Первые пчёлы вылетают на первые цветы. Первые бабочки — крапивницы и лимонницы — порхают на солнце. Жужжат на припёке мухи.

В апреле в лесу — как на земле неизведанной. Что ни шаг, то открытие. На обсохших бугорках вдруг увидишь... грибы! Это самые ранние наши грибы — строчки́ и сморчки.

Из надломленной берёзки капает сок. Сок можно собрать в кулёк из берёсты и выпить. На вкус он сладковат. Это хорошо знает большой пёстрый дятел. Весной он пробивает клювом в берёзовой коре дырочки и пьёт сок. Разные насекомые — тоже сладкоежки! — приползают и прилетают к дятлу в гости на сладкий сок.

Вышел из берлоги медведь. Вылезли из нор барсуки. Сейчас они голодные и худые. В глухом лесу, на грязи или на сугробе, встречаются их когтистые следы.

Со всех сторон слышится бормотание косачей.

Грязны и трудны пути-дороги. Но зато какие незабываемые встречи бывают на них!

Сколько всего увидишь, услышишь, узнаешь! Сколько всему порадуешься!

С ПЕРВЫМ АПРЕЛЯ

Володя вбежал в класс и закричал:

— На дворе глухая зима, не светит ярко солнце, не набухли на деревьях почки, не барабанит в лесу дятел, не прилетели птицы!



Все грустно повесили носы.

Тогда Володька запрыгал и закричал ещё громче:
— Всех обманул! С первым апреля!

На большой перемене все сбежались на школьный двор.

Ярко светило солнце. Везде лужи. На деревьях набухли почки. У скворечен пели и щёлкали клювами скворцы. На грачевнике белоносые чёрные грачи орали басом. А с голубого неба лились жавороночьи трели. Самих жаворонков не было видно: летели на север одни их песенки.

**Жаворонки прилетели! Здравствуй, весна!
С первым апреля!**





СОРОКА И ЕНОТ

— Енот, а Енот, а ты
ягоды есть любишь?

— Люблю!

— А птенцов и яйца
любишь?

— Люблю!

— А лягушек и яще-
риц любишь?

— Люблю!

— А жуков и сороко-
ножек любишь?

— Люблю!

— А... а червяков и
улиток любишь?

— Тоже люблю!

— А чего же ты тогда
не любишь?

— Не люблю, когда
меня глупыми вопросами
от еды отвлекают!



ДЯТЕЛ

Дятлу без носа — что нам
без рук! Носом деревья вы-
стукивает, носом шишки на
кузнице разбивает. Дупло но-
сом долбит, дырочки на бе-
рёзах пробивает — сладкий
сок пьёт. Даже на «барабане»
носом играет!

На все руки у дятла нос.
Пёрышки носом чистит, му-
равейники разрывает, птен-
цов кормит. Дятлу без носа
хуже, чем нам без рук.

ЛИМОННИЦА



Назвали её лимонницей за ярко-жёлтый, лимонный цвет. Такая на вид неженка и недотрога, а всю зиму под снегом зимует. И весной вылетает, когда по ночам ещё морозы звенят. Греет солнце — порхает весело и беззаботно, а ударит мороз — упадёт на землю, замрёт и лежит как опавший жёлтый листок. Ждёт терпеливо ясного тёплого дня. И снова тогда мелькают её жёлтые крылья словно два солнечных зайчика.

МАХАОН

Махаон не прячет своей красоты: то крылья раскроет, то сложит. Словно хвастается: хороши крылья и сверху и снизу! На земле он как жёлтый кленовый лист. А в полёте словно бумажный кораблик, летящий на всех парусах. Всё лето украшает опушки и лесные поляны. Кто бы ни увидел его — непременно ахнет. Всех радует его красота.





МЕДВЕДЬ И КРОТ

— Послушай, Крот, весь век в земле возишься, вот-то, поди, умыться часто приходится?

— Ой, Медведь, и не говори! Замучили меня умывания. До того часто, до того часто — два раза в год. Раз — весной, в половодье, раз — осенью, в ненастье. Завидую, ко-солапый, тебе: медведи, говорят, век не моются!

ТРОЕ НА ОДНОМ БРЕВНЕ

Вышла речка из берегов, разлилась вода морем. Застряли на островке Лисица и Заяц. Мечется Заяц по островку, приговаривает:

— Впереди вода, позади Лиса — вот положение!

А Лиса Заяцу кричит:



— Сигай, Заяц, ко мне на бревно — не тонуть же тебе!

Островок под воду уходит. Прыгнул Заяц к Лисе на бревно — поплыли вдвоём по реке.

Увидела их Сорока и стрекотнула:

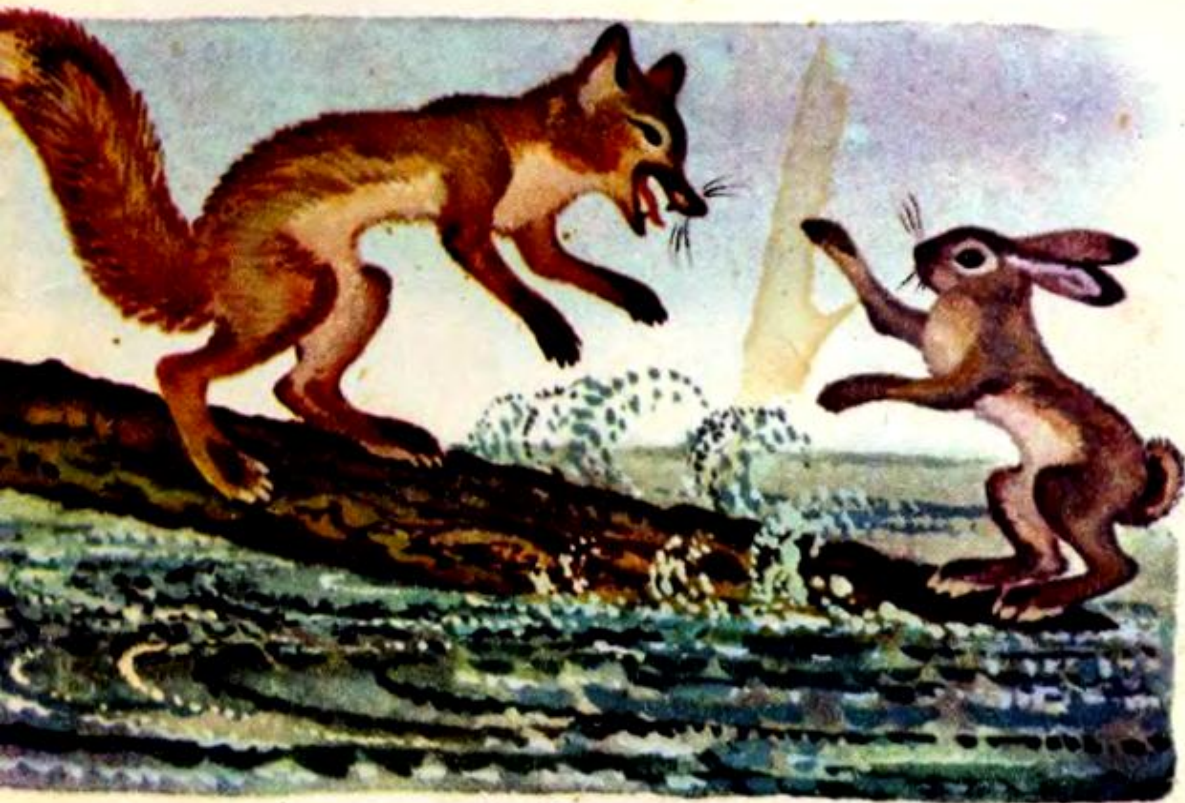
— Интересненько, интересненько... Лиса и Заяц на одном бревне — что-то из этого выйдет!

Плывут Лиса и Заяц. Сорока с дерева на дерево по берегу перелетает.

Вот Заяц и говорит:

— Помню, до наводнения, когда я в лесу жил, страсть я любил ивовые ветки оглаживать! До того вкусные, до того сочные...

— А по мне, — вздыхает Лиса, — нет ничего слаще мышек-полёвок. Не поверишь, Заяц, целиком их глотала, даже косточки не выплёвывала!



— Ага! — насторожилась Сорока. — Начинается!..
Подлетела к бревну, на сучок села и говорит:

— Нет на бревне вкусных мышек. Придётся тебе,
Лиса, Зайца съесть!

Кинулась голодная Лисица на Зайца, но бревно
окунулось краем — Лиса скорее на своё место. Закри-
чала на Сороку сердито:

— Ох, и вредная же ты птица! Ни в лесу, ни на
воде от тебя нет покоя. Так и цепляешься, как репей
на хвост!

А Сорока как ни в чём не бывало:

— Теперь, Заяц, твоя очередь нападать. Где это
видано, чтобы Лиса с Зайцем ужились? Толкай её в
воду, я помогу!

Зажмурил Заяц глаза, бросился на Лису, но кач-
нулось бревно — Заяц назад скорее. И кричит на
Сороку:

— Что за вредная птица! Погубить нас хочет. На-
рочно друг на друга науськивает!

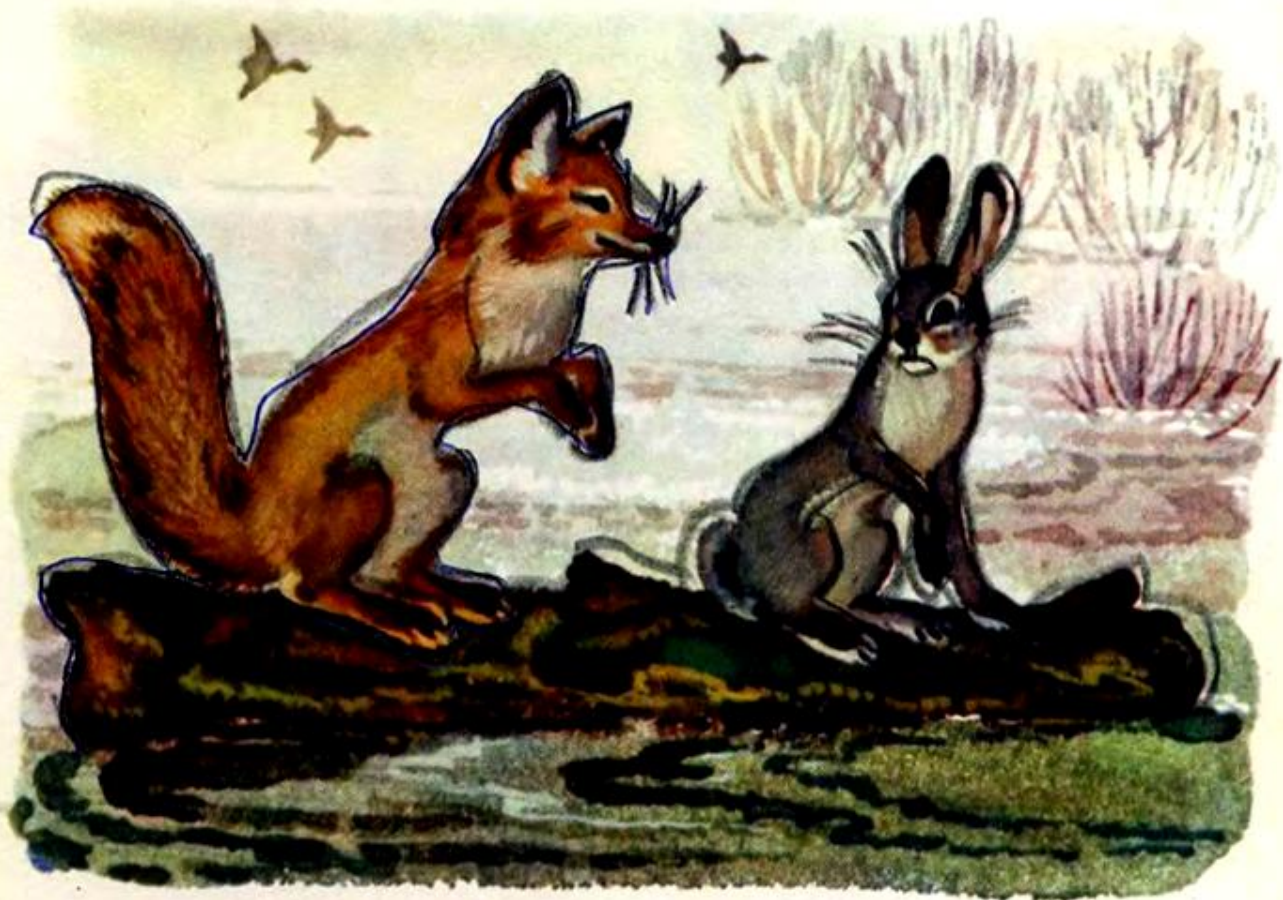
Плывёт бревно по реке, Заяц с Лисой на бревне
думают.



ЖЕЛНА И СОРОКА

— Ой, Желна, что-то с Фили-
ном нашим неладно! Каждую
ночь стонет и охает! Уж не за-
болел ли, не простудился? То
хрипит, то бурчит, то ворчит —
словно ежом подавился!

— Что ты, Сорока, что ты! Да
это он самые свои нежные пес-
ни поёт! Самые развесёлые!
Молчи уж, а то услышит ещё,
обидится! Тс-с!



КАРАСЬ И ОКУНЬ

— Охо-хо, Окунь, горемычная я рыба! Вся-то моя жизнь в грязи да в тине.

— А ты, Карась, клюнь на крючок — попадёшь в сметану...



— Может, взвуть, на по-
мощь позвать? — предлагает
Лиса.

— Может, махнуть на
всё лапой — да в воду? —
предлагает Заяц.

А бревно всё плывёт и
плывёт. Думают и думают
Лисица и Заяц. Думают, как
с бревна друг друга спихнуть.
Другого спихнуть, а самому
уцелеть. И вдруг оба додума-
лись!

— С бревна нам не уйти?

— Не уйти.

— Когда ссоримся и де-
рёмся...

— ... бревно перевора-
чивается.

— А когда тихо и мирно
сидим?..

— Плывём, как на ло-
дочке!

— Значит?

— Значит, надо мирно
сидеть! Ждать, пока бревно
к берегу прибьёт. Ты, Заяц,
согласен?

— Я-то давно согласен...

Поплыли Лиса и Заяц на
бревне рядышком.

А Сорока-склочница ни с
чем улетела.



ПЯТЬ ТЕТЕРЕВЕЙ

Прилетел в зорь-
ку на обочину тете-
ревиного тока ряб-
чик и завёл свою пе-
сенку:

— Пя-ять, пя-ять,
пять тетеревей!

Я пересчитал:
шесть косачей на то-
ку! Пять в стороне
на снегу, а шестой
рядом с шалашкой,
на седой кочке сидит.

А рябчик своё:



— Пя-ять, пя-ять, пять тетеревей!
— Шесть! — говорю я.
— Пя-ять, пя-ять, пять тетеревей!
— Шесть! — стукнул я по колену. — Считать не умеешь!

Ближний — шестой — услышал, испугался и улетел.
— Пя-ять, пя-ять, пять тетеревей! — свистит рябчик.

Я молчу. Сам вижу, что пять. Улетел шестой.

А рябчик не унимается:

— Пя-ять, пя-ять, пять тетеревей!
— Я же не спорю! — говорю я. — Пять так пять!
— Пя-ять, пя-ять, пять тетеревей! — рябчик свистит.

— Без тебя вижу! — рявкнул я. — Небось не слепой!

Как залопочут, как замельтешат белые крылья — и ни одного тетерева не осталось! И рябчик улетел с ними.

СИНИЧКИ - АРИФМЕТИЧКИ

Весной звонче всех белощёкие синички поют: колокольчиками звенят. На разный лад и манер. У одних так и слышится: «Дважды два, дважды два, дважды два!» А другие бойко высвистывают: «Четыре-четыре-четыре!»

С утра до вечера зубрят синички таблицу умножения.

— Дважды два, дважды два, дважды два! — выкрикивают одни.

— Четыре-четыре-четыре! — весело отвечают другие.

Синички - арифметички.



МУРАВЕЙ И ТРАУРНИЦА

— Отведайте, уважаемая Траурница, берёзового соку. Мёд, чистый мёд — губки оближете!

— Благодарствую, Муравей, — в самом деле как мёд!

— Да вы не стесняйтесь, пробуйте, пробуйте!

— Благодарствую, я уже.

ЛЯГУШКИ

В болотце довольно воро-
чаются и урчат лягушки. Вы-
совывают из воды мокрые пу-
чеглазые головы. Вздывают
голубые горлышки, дрыгают
пятнистыми лапками. А на
болотной закраине лёд ещё!
Каково-то им, голым, в ледя-
ной воде?

— Каково? — спрашиваю.

— Ничего; ничего! — от-
вечают.



— Да как же уже, если сами и
не пригубили?

— А я, дорогой, приножила.

— Как вы сказали?

— Приножила я, говорю. То
есть ногой попробовала. Ведь мы,
бабочки, вкус не языком узнаём, а
ногами.

— Ишь ты! Ну да уж ладно: про-
буйте, пробуйте — пальчики обли-
жете!



ЛОСЁНОК И ВОРОН

— Ой, Ворон, Ворон,
посмотри-ка скорей в лу-
жу: что там за пугало от-
ражается? Ну и ну! Но-
ги — жерди, уши — лопу-
хи, а нос-то, нос — слов-
но тыква! Вот так зверь!
Как такого уroda земля
держит!

— А это, Лосёнок, те-
бя надо спросить. В лу-
же-то, голубчик, ты отра-
жаешься. Собственной
персоной! От ушей до
копыт!



ШЕПЧУЩИЕ СЛЕДЫ

В светлых осинниках и ольшаниках снег сошёл, палый лист сохнет на солнце, скручиваясь в рулончики, свёртываясь в кулёчки, сжимаясь в кулачки. Лист сухой, а земля под ним мокрая. И проминается под ногой, как пластилин. Идёшь и вдавливаешь сапогом сухие листья в сырую землю.

Лось ли пройдёт, человек ли — всё одно оставит следы, вдавит лист в землю. Пройдут, вдалеке стихнут, а следы их вдруг и зашепчутся. То лист примятый распрямится и соседний заденет. То стебелёк высохнет и распрямится. Развяжется тесёмочка жёлтой травы. Или встряхнётся сжатый в гармошку пучочек брусники.

Давно ушагали из лесу лось и человек, где-то они уже далеко-далеко, а следы их всё шепчутся, шепчутся. Долго-долго...



За какие такие особые заслуги каждую весну для скворцов столько скворечников вывешивают? За что им такая особая честь: за красивые глаза, за звонкие песни или за пользу?

Если за красивые глаза, то почему вы не делаете дуплянок для нас — сов-сипух, нейсытей и домовых сычей? Глаза у нас красивые — большие, блестящие, золотые.

Если за звонкие песни, то почему забываете про нас — горихвосток, синиц, трясогузок, мухоловок-пеструшек?

А если за одну только пользу, то и нам — стригам, пищухам, поползням — нужно тоже дома строить.

Так-то вот, дорогие юннаты. А то заладили одним скворцам, будто только они одни звонкие песни поют да поля и лес берегут. Так, братцы, несправедливо!



Мы пролетели тысячи километров — и вот мы на родине.

Но вдруг вернулась зима, посыпал снег, задул ледяной ветер. Мы все, конечно, перелетели к человеческому жилью. И потому, что ждали от людей помощи, и потому, что у жилья прокормиться легче.

А вы, ребята, взяли бы да помогли нам.

Пусть все в непогоду насыпают на полочки и проталины муравьиные яйца, мучных червей, коноплю. Если не от вас, то от кого же нам ещё помощи ждать?

А мы вам летом отпоём и отработаем. Мы — это скворцы, жаворонки, зарянки, трясогузки.





М А Й

Май — пора быстрых перемен. Нависла над рощей синяя туча — и зазвенел сверкающий дождь. Не успел дождь отзвенеть, а уж над берёзовой рощей зелёная дымка. Из почек высунулись острые зелёные клювики. И на каждом дождинка висит.

Май — страна песен и плясок.

Птицы поют днём, поют утром и вечером. А иные даже ночью поют. Лучше всех поют соловьи, певчие дрозды, черноголовки, зарянки. Это заслуженные певцы леса. Не у всех птиц такие звонкие и красивые голоса. Но и безголосые не унывают, шумят чем только могут. Дятел носом стучит, бекас хвостом дребезжит, аист клювом трещит, как трещоткой. Когда только едят и отдыхают! Зяблик за день спел 2900 песен — по 168 песен в час. Лесной конёк и того больше — 3230 песен, 188 песен в час!

Кукушка до того докуковалась, что даже голос сорвала и охрипла.

Кто поёт, кто танцует. Танцуют на болоте журавли, приплясывают на току тетерева. Вороны орут по-особому, по-весеннему. Лягушки и те хором поют.

Май — пора светлых ночей. Зорька зорьке руку протягивает. Ночные птицы — совы и филины — удивлённо хлопают глазами — всё светло да светло! Когда же мышей ловить?

А ребятам-юннатам глазами некогда хлопать. У юннат-животноводов стадо растёт. Нарождаются телята, жеребята, козлята, ягнята, поросята, крольчата. У садоводов и огородников посадка, прополка, подрезка деревьев. А надо ещё и на рыбалку успеть — рыба начинает клевать.

Комары в мае начинают гудеть. Хорошо, если утренник их прихлопнет, а то успевай только себя по рукам да по шее хлопать.

Лес зазвенел, цветы везде, над цветами бабочки. Пчелы гудят — мёд собирают. Не всё и птицам петь да плясать — пора гнёзда вить, птенцов выводить.

Много интересных событий происходит в мае. Весело по нему путешествовать.

ВСЕ ХОТЯТ ПЕТЬ

Жабы поют, совы бубнят. Шмель гудит басом. Про птиц и говорить нечего! От зари до зари поют.

Скворцу своей песни мало, так он чужие перепевает. Сидит на берёзе, блестящий и чёрный, словно в дёготь окунутый, разводит крылышками, словно сам себе дирижирует, и щёлкает клювом, как парикмахер ножницами.

То белобровиком просвистит, то вертишейкой прокричит, то уточкой крякнет. И петухом, и гусаком, и барашком.

Иволгой, пеночкой, сорокой!

На разные голоса: и за себя, и за всех.



ПЕВИЦА

Тем хорош лес, что сколько в него ни ходи, сколько ни смотри и ни слушай, а всё увидишь невиданное и услышишь неслыханное. А увидишь, услышишь — и опять пойдёшь.

Стоял я на тяге. Уж солнце утонуло в лесу, а вальдшнеп всё медлил. И такая была прозрачная тишина, что упадёт хвоинка — слышно, капля сока с берёзы капнет — слышно. Слышно даже, как муравьи бегут: так и топчут!

В луже будто лопались пузыри, таинственно и тихо: «Уук! Уук!» Это запевала жаба.

И вдруг шумная возня, шорох листьев и писк. Я прислушался. И услышал незнакомую песню!

Вроде птичка пела в кустах. Стрекотала и щебетала. Повторяла своё «ци-ци-ци» на разные лады и манеры.

Я слушал и вспоминал. Зарянка не так поёт, дрозды не так свистят. Всех птиц знаю, а такой не слышал.

ОДУВАНЧИК И ДОЖДЬ

— Ура! Караул! Ура! Караул!

— Что с тобой, Одуванчик? Уж не заболел ли? Ишь жёлтый весь! Чего ты то «ура», то «караул» кричишь?

— Закричишь тут!.. Корни мои рады тебе, Дождю, радёшеньки, все «ура» кричат, а цветок «караул» кричит — боится, что пыльцу испортишь. Вот я и растерялся — ура, караул, ура, караул!



Я нагнулся, чтобы разглядеть, но под ольхами загустела тьма: даже видно стало свечение гнилушек. Тогда я включил фонарь. Гнилушки потухли, а там, где они голубели, выдвинулся пенёк. На пенёке сидела лесная мышь: усы топорщились, глаза блестели. Погасил фонарь — засветились гнилушки, послышалась песнь.

Поющая мышь — дело неслыханное!

Что ж, буду знать.

И если кто спросит меня, скажу: «Слышишь? Это поёт мышь!»



МУХОЛОВКА И ЗАЯЦ

— Чего, Заинька, приплясываешь, чего, серенький, ушами потряхиваешь?

— С горя, Мухоловочка, с горя! Комары после дождя вылетели — ни попить, ни поесть. А ты чего подлётываешь, чего крылышками взмахиваешь?

— От радости, Заинька, от радости! Комары после дождя вылетели — самое времечко попить да поесть!

ЛЕСНОЙ ГРЕБЕШОК

Что ни куст густой, то гребешок лесной. И ни одного неряху линючего гребешок не пропустит, непременно причешет. Лиса ли, медведь ли, заяц — ему всё равно. Всех расчёсывает, причёсывает, приглаживает. С зайца — белый клоч, с лисы — рыжий пук, с медведя — бурые космы.

Иной куст, самый густой да колючий — шиповник или боярышник, — сам за весну станет как зверь мохнатый. Шерсть на нём звериная дыбом, даже подойти страшно!



СОЛОВЕЙ И ЛЯГУШКА

Журчал в кустах ручеёк. В ручье жила лягушка. А в кустах — соловей. По вечерам лягушка и соловей пели. Соловей свистел и щёлкал, а лягушка урчала и квакала.

Соловью, конечно, было противно, что лягушка заглушает его, и потому он пел всё сильнее и звонче. А лягушка боялась, что никто её не услышит из-за пения соловья, и она во всю глотку квакала и урчала.

До того раззадорятся — гул и стон!

Соловей раскат за раскатом — только листики вздрагивают. Лягушка надрывается — даже рябь по воде.

Все на лягушку сердились: мешает соловья слушать! Хоть бы лягушку уж сожрал!

И уж лягушку сожрал...

Наступил вечер, все собрались в тишине слушать соловья. Стоим, комары нас едят, а соловей никак что-то не распойётся! Посвистит, пощёлкает вполголоса — и молчок. Снова вполсилы, лениво и нехотя. Небрежно, с помарками, кое-как. Ни листик от песни не дрогнет, ни сердце. Худо стал петь: дрябло, сонно и вяло. Наверное, потому, что спорить ему стало не с кем. Хоть снова ему лягушку в ручей подбрасывай!





ГНЕЗДО

Гнездо—это птичий клад. Он надёжно спрятан в траве или листьях. Яички в нём — как горстка сияющих драгоценностей. В гнезде козодоя они беловатые, словно мрамор; в гнезде славки переливчатые, как жемчужины; а в гнезде певчего дрозда похожи на изумруды. Но что изумруды и жемчуга — они мертвы! А в яичках будущие птенцы и тысячи будущих песен.

Одним отличается птичий клад от настоящего: его нельзя трогать. Только не тронутый, только не найденный принесёт он радость.



ДРОЗДЁНОК



Весёлое в лесу времечко: что ни день — то день рождения! У ежей — ежата, у зайцев — зайчата, у дроздов — дроздята. Лисята, галчата, скворчата. Горячая пора, все детишкам угощение ищут. У всех забот полон рот.

Дрозды, не покладая крыльев, работают от зари до зари. Ещё бы: каждому птенцу подавай в день тридцать завтраков, тридцать обедов и тридцать ужинов! А птенцов в гнезде пять. И у каждого рот — как кулёк.

РЯБЧИК

Пёрышко к пёрышку, пятнышко к пятнышку — сразу и не увидишь. А она рядом сидит: лесная курочка-ряба. Не моргнёт, не дохнёт: обмерла. Наверное, яички снесла, да не простые, а золотые: очень уж бережёт! Прячет от злого глаза. Вот умница, дай-ка погляжу... А курочка — фрр! — и улетела. А где сидела, там полное лукошко яичек. Не простых, золотистых. Ещё и в крапинку! Как такие не прятать, как не беречь.



ЗВАНЫЙ ГОСТЬ

Увидела Сорока Зайца — ахнула:

— Не у Лисы ли в зубах побывал, косой? Мокрый, драный, запуганный!

— Если бы у Лисы! — захныкал Заяц. — А то в гостях гостевал, да не простым гостем был, а званым...

Сорока так и зашлась:

— Скорей расскажи, голубчик! Страх склоки люблю! Позвали, значит, тебя в гости, а сами...

— Позвали меня на день рождения, — заговорил Заяц. — Сейчас в лесу, сама знаешь, что ни день — то день рождения. Я мужик смирный, меня все приглашают. Вот на днях соседка Зайчиха и позвала. Прискакала я к ней. Нарочно не ел, на угощение надеялся.

А она мне вместо угощения зайчат своих под нос суёт: хвастается. Эка невидаль — зайчата! Но я мужик смирный, говорю вежливо: «Ишь какие колобки лопахуе!» Что тут началось! «Ты, — кричит, — окосел? Стройненьких да грациозненьких зайчат моих



ФИЛИН И СОЛОВЕЙ

— Не бойся меня, Соловей, я не проглотию тебя собираюсь, я тебе песенку хочу спеть! Май в лесу, все песни поют...



колобками обзываешь? Вот и приглашай таких чурбанов в гости — слова умного не услышишь!»

Только от Зайчихи я убрался — Барсучиха зовёт. Прибегаю — лежат все у норы вверх животами, греются. Что твои поросята: тюфяки тюфяками! Барсу-

— Спой, Филин, спой, раз уж так разохотился.

— Пу-гу-гу-гу! Бу-бу! Пу-гу-гу! Бу-бу!

— Ой, ой! ..

— Ну вот — и этот сознание потерял! Пятому уже пою — и все в обморок падают. До чего же у меня голос чувствительный, так за сердце и берёт! Пу-гу-гу! Бу-бу!





чиха спрашивает: «Ну как детишки мои, нравятся ли?» Открыл я рот, чтобы правду сказать, да вспомнил Зайчиху и пробубнил: «Стройненькие, — говорю, — какие они у тебя да грациозненькие!» — «Какие, какие? — оцетинилась Барсучиха. — Сам ты, Кощей, стройнень-

РЯБЧИК И СОЛОВЕЙ

— Люблю я весенние цветы, Соловей!

— И я люблю, — такие они красивые!

— Да нет, Соловей, не то.

— Такие они ароматные!

— Да нет, не то.

— Так что ж, коли не то?

— Вкусные они, Соловей, очень! Особенно незабудки. Незабываемый вкус!



кий да грациозненький! И отец твой и мать стройненькие, и бабушка с дедом твои грациозненькие! Весь ваш поганый заячий род костлявый! Его в гости зовут, а он насмежается! Да за это я тебя не угощать стану, я тебя самого съем! Не слушайте его, мои красавчики, мои тюфячки подслеповатенькие...»

Еле ноги от Барсучихи унёс. Слышу — Белка с ёлки кричит: «А моих душечек ненаглядных ты видел?»

«Потом как-нибудь! — отвечаю. — У меня, Белка, и без того в глазах что-то двоится...»

А Белка не отстаёт: «Может, ты, Заяц, и посмотреть-то на них не хочешь? Так и скажи!»

«Что ты, — успокаиваю, — Белка! И рад бы я, да снизу-то мне их в гнесте-гайне не видно! А на ёлку к ним не залезть».

«Так ты что, Фома неверный, слову моему не веришь? — распушила хвост Белка. — А ну, отвечай, какие мои бельчата?»

«Всякие, — отвечаю, — такие и этакие!»

Белка пуще прежнего сердится:

«Ты, косой, не юли! Ты всё по правде выкладывай, а то как начну уши драть!»

ОРЛЁНОК И ВОРОБЬЁНОК

— Эй, Орлёнок, у тебя родители кто?

— У меня папа с мамой орлы!

— Вот счастливый! А у меня папа с мамой обыкновенные воробьи...

— Не завидуй мне, Воробьёнок. Твои воробьи с утра до вечера тебя кормят, а мои орлы меня — только утром да вечером.



«Умные они у тебя и разумные!»

«Сама знаю».

«Самые в лесу красивые-раскрасивые!»

«Всем известно».

«Послушные - рас послушные!»

«Ну, ну?!» — не унимается Белка.

«Самые-всякие, такие-разэтакие...»

«Такие-разэтакие?... Ну, держись, косой!»

Да как кинется! Взмокреешь тут. Дух, Сорока, до сих пор не переведу. От голода чуть живой. И оскорблён и побит.

— Бедный, бедный ты, Заяц! — пожалела Сорока. — На каких уродиков тебе пришлось смотреть: зайчата, барсучата, бельчата — тьфу! Тебе бы сразу ко мне в гости прийти — вот бы на сорочаток-душечек моих налюбовался! Может, завернёшь по пути? Тут рядом совсем.

Вздрогнул Заяц от слов таких да как даст стрекача!

Звали потом его в гости ещё лоси, косули, выдры, лисицы, но Заяц к ним ни ногой!



КОРОЛЁК И ПАУК

— Э-э, Паук, да у тебя праздник! Вся паутина в росе. Иллюминация и фейерверк! Вот небось радости-то!

— Меняю всё это сверкание на одну муху! Третий день из-за этой иллюминации комаришки во рту не было. Паутина отсырела. Сети рвутся. Сам околел. Ещё день так поспрадную — и готово: закрою все восемь своих глаз, все восемь ног протяну!



ХОМЯК РАБОТАЕТ ГОЛОВОЙ

Повезло хомяку — наткнулся на птичье гнездо. Ляжет прямо на земле два большущих яйца — ну словно два бочонка с мёдом. Забирай и пируй!

Только вот лапками никак яйцо не обхватить — выскользывает. И за щеку не затолкать — ещё рот разорвёшь. А бросить, оставить нельзя — жалко.

Возился хомяк, ёрзал, сопел, пыхтел — ничего не получается. Тогда упёрся лбом в яйцо — и покатило к себе в нору. Раз дело не по зубам, не по лапам — головой надо работать!





КАПУСТНИЦА

Всем знакома эта большая белая бабочка. Огородники её даже издали узнают: летает как-то подскакивая, взблёскивая крыльшками, кидаясь из стороны в сторону. Как увидят, так быстрее стараются отогнать. Беда, если бабочка успеет отложить на капусту яички. Выведутся из яичек прожорливые гусеницы и оставят от кочанов одни кочерыжки. Очень вредят капусте капустницы.

ЯЩЕРИЦА

Кто сказал, что ящерица противная? Как только у него язык повернулся? Наверное, он никогда ящерицу близко не видел.

Особенно красива ящерица весной. Весной она в праздничном зелёном наряде: горят щитки и чешуйки! Сказочная малахитовая красавица. И уж если лягушки бывают царевнами, то ящерицы и подавно!



Репница похожа на маленькую капустницу. Но вреда от неё капусте, редиске не меньше, чем от большой капустницы. Ещё даже и больше. Потому что яички она откладывает на листья не кучкой, а по одному: попробуй-ка отыщи их! Не уследишь, не найдёшь — и пропадут все труды. Не любят огородники всех белых бабочек: репниц, капустниц и брюквенниц. Одни от них неприятности. Стараются их разогнать. И правильно делают!

РЕПНИЦА



ЁЖИК

Все ежа видели, все его знают. И все его любят, хоть он на вид и сердитый. При встрече съёжится в шар и недовольно пыхтит. Рассерженный моток колючей проволоки. Этаким нелюдимый лесной колобок: «Я от бабушки ушёл, я от дедушки ушёл, а от тебя-то и подавно уйду».

И уйдёт! Высунет сперва из колючего мотка мокрый рубчатый нос. Потом заблестит озорной чёрный глаз. Носом пошмыгает, глазом покрутит — да как припустит со всех четырёх! Только пяточки замелькают.



СЕРДИТЫЕ ЧАЙНИКИ

Поляна была похожа на круглый стол, покрытый травотканной золотой скатертью. Чёрные чайники были расставлены посредине. Они пыхтели и булькали от нетерпения. Тут затевалось грандиозное чаепитие!

Как хорошо, что в это раннее утро я не нежился, подобно другим, в тёплой постели. В награду я увидел такое, что с тех пор всегда встаю на рассвете.

Чайники булькали и клокотали. Из чёрных носиков с шипением вырывался пар. Их так изнутри распирало, что они даже подскакивали! И дребезжали... крыльями!

До чего же и в самом деле косачи на току похожи на шипящие чайники! На шипящие, булькающие, закопчённые до блеска охотничьи чайники. Шейки-носики задраны вверх, и косицы хвоста изогнуты ручкой. Вспыхивают раскалённые угли красных бровей. И из носика вырывается пар! И так друг на друга накидываются, что только брызги-перья летят!

сердитые ГОЛОСА



Лягушка. Жалуюсь на рогаточников! Бродят они весной по берегам болот — носа из воды высунуть не дадут! А у нас, лягушек, весной самый концертный сезон. Нам песни петь надо, нам не высовываться нельзя. Объясните им это кто-нибудь. Сами-то мы объяснять не можем, сами-то мы только квакать умеем.

Муравей. Мы, муравьи, такие крохотные, что самая маленькая хвонка для нас всё равно что для вас большое бревно. Из тысяч и тысяч брёвен-хвоинок сложены наши дома-муравейники. Для вас ничего не стоит пнуть муравейник ногой, а для нас —



Вы, любящие поспать, когда станете утром разливать чай, присмотритесь к своим чёрным чайникам. Они напомнят вам турнир косачей, который вы так беспечно проспали.

начинай всё сначала! Для вас это забава, а для нас беда! Опять починка, опять ремонт! А тут тебе дождик, а тут тебе ветер. Уважайте хоть наш труд: ведь тысячи тысяч хвоинок — и каждая как бревно!

Рыба. Сейчас мы, речные рыбы, идём из больших холодных рек в тёплые мелкие речки. И вот кто-то на нашем пути строит заборы-заколы. Посредине воротца, а в воротцах — сеть. Мы идём, идём — да всё в сеть и в сеть! А оттуда нам одна дорога — на сковородку! Нельзя нас так ловить, ведь мы же икру идём метать. Переловите всех — что потом делать станете?





И Ю Н Ъ

Интересные встречи в июне бывают и среди белого дня, и среди белой ночи. Приключения и события ждут путешественника на каждом шагу.

Но комариное войско надёжно охраняет лесные тайны. Теперь только самые упорные и любознательные путешественники проникают в лесные дебри. Там им открывается первая тайна: оказывается, не все комары кровопийцы! Кровь-то, оказывается, одни комарихи пьют. А комары, как нежные бабочки, питаются нектаром цветов.

Много забот у птиц — во всех гнёздах уже появились птенцы. Но хватает времечка и на песни: ведь сейчас самые длинные дни и самые короткие ночи.

Больше всех птенцов в гнезде у большой синицы — целая дюжина! И меньше всех у козодоя — всего два. Много ли птенцов или мало — всё равно надо их защищать. Отовсюду слышны тревожные птичьи голоса. Если их крики переводить на человеческий язык, то только и слышно: «Караул! Помогите!» Или: «Осторожно! Спасайтесь!»

Птицы, которые гнездятся компаниями, при виде хищника громко зовут на помощь соседей. Ласточки, воробьи, дрозды-рябинники общими силами прогоняют врага.

Понаблюдайте за ними, послушайте их — и вы научитесь понимать птичий язык.

Птичий трудодень длится шестнадцать—девятнадцать часов. С рассвета дотемна надо кормить птенцов: самим и червячка заморить некогда. Больше ста раз в день приносит корм птенцам лесной конёк. А мухоловка-пеструшка — больше четырёхсот. Зато и птенцы растут не по дням, а по часам. Иные перед вылетом становятся тяжелее своих родителей!

Но птенцы не дармоеды. Чем больше они едят, тем больше от них пользы. Птенцы очищают от вредных

насекомых наши леса, сады и поля. Даже хищные птицы работают на нас. Одна сова за лето съедает тысячу полёвок и тем самым сохраняет зерно. А как птицы украшают и оживляют леса и поля!

В июне зайчата, лисята, медвежата, барсучата, лосята и бельчата набираются ума и сил. Можно и их повстречать, если путешествовать настойчиво и умело.

На лугах колосятся хлеба. Зреют в огородах овощи. Луга готовятся к покосу. Цветут цветы, порхают бабочки, копошатся жуки. Всюду кипит жизнь.

Всё у тебя есть: уши, чтоб всё слышать, глаза, чтобы всё увидеть, ноги, чтобы всюду пройти. И голова, чтобы всё понять. Была бы охота!

ПЫЛЬНЫЕ ЗАЙЦЫ

Иду я по тропинке, а навстречу заяц бежит. Увидел меня — как подскочит! И пыль над ним клубом, словно он гриб пыхтун раздавил. Поскакал по тропе — из-под лап пыль фонтанчиками, а со спины — волной. Весь в пыли от лап до ушей — ну и неряха!

Каждое утро встречаю таких пыльных зайцев. Где только они так вывозиться успевают? Хоть на сучок вешай и палкой пыль выколачивай!

Оказалось, зайцы порхаются в пыли! Прямо как курицы. Вижу раз: валяется на дороге в пыли заяц и дрыгает своими длинными ногами. То на спине ёрзает, то на боку. Вот накатался, наёрзался, надрыгался — как встряхнётся! Пыль так и закружилась!

По утрам зайцы выходят из сырых зарослей на сухие тропинки. Ложатся своими мокрыми животами в тёплую пыль. И конечно, начинают у них животы



чесаться! Вот зайцы и дрыгаются в пыли. И до того выкатаются, до того пропылятся, что даже лисы, глядя на них, наверное, кашляют и плюются!

— Ответь мне, Цветок, ты кто — он или она?

— А я, брат Шмель, и сам не пойму!

— Как это — не знаешь! Вот, например, ландыш — он.

— То ландыш...

— А вот, например, ромашка — она.

— Так то ромашка...

— А ты кто такой?

— Я-то? Да я, Шмель, иван-да-марья!

ШМЕЛЬ И ЦВЕТОК





СОРОКА И ЛОСЬ

— Дяденька, что случилось: целый день из озера не вылезает? Уж не волки ли тебя стерегут?

— Э-э, Сорока, что мне волки! Покусачее звери на берегу поджидают, покровожадней.

— Кто же они, злодеи, кто же они, кровопийцы?

— Да комары-ы!



ОТ ЧЕГО У ЛИСЫ ДЛИННЫЙ ХВОСТ?

От любопытства! Не от того же, в самом деле, что она следы свои будто бы хвостом замечает. Длинным лисий хвост становится от любопытства.

Начинается всё с той поры, как прорежутся у лисят глаза. Хвосты у них в эту пору совсем ещё маленькие и короткие. Но вот глаза прорезались — и хвосты сра-



зу же начинают вытягиваться! Становятся всё длинней и длинней. И как же им не длиннеть, если лисята изо всех силёнок тянутся к светлomu пятнышку — к выходу из норы. Ещё бы: шевелится там что-то невиданное, шумит что-то неслыханное и пахнет нечуянным!

Только вот страшно. Страшно вдруг оторваться от обжитой норы. И потому высовываются лисята из неё только на длину своего короткого хвостика. Словно придерживаются кончиком хвоста за родимый порог. Чуть что — чур-чур! — я дома!

А белый свет манит. Цветы кивают: понюхайте нас! Камни блестят: потрогайте нас! Жуки скрипят: поймайте нас!

Лисята тянутся, тянутся всё дальше и дальше. Хвостышки их вытягиваются, растягиваются. И становятся всё длинней и длинней. От любопытства, конечно. От чего же ещё?



МУРАВЕЙ И СОРОКОНОЖКА

— Вот напугал, Муравей! Да ты что, с неба свалился, что ли?

— «С неба, с неба!»... С рябиновой ветки я свалился!

— А что ты там делал?

— «Делал, делал»!.. Коров пас!

— А ещё что?

— «Что, что»!.. Доил коров!

— А ещё что?

— Молочко сладкое пил.

— А ещё что?

— Вот пристала! Ну, задремал немножко да и скатился с листа! Тебе что, у тебя сорок ног, а у меня всего шесть: на двух стою, двумя тлю-коровку держу, двумя молочко тлиное собираю!



БАБОЧКИНА ДОРОЖКА

Кусты и трава набухли водой, а тропинку солнце уже высушило. Идешь—только камешки под ногами по-звякивают. Из сырых тёмных зарослей на сухую дорожку—к теплу и свету—прилетели пёстрые бабочки. Белые, жёлтые, голубые. Бурые, красные, рыжие. В горошек, в крапинку и в полоску. Большие, как листья клёна, и крохотные, как незабудки.

Разноцветные камешки, разноцветные бабочки.

Я иду, а они взлетают, порхают над головой и сейчас же опускаются позади. Живая пёстрая лента взмывает волной и, перемахнув через голову, обрушивается позади на тропу. И даже брызги летят—это пугливые голубянки взлетают вверх.

Обратно я иду уже в полдень. Травяные джунгли про-сохли, везде раскрылись цветы. И бабочки улетели с рас-калённой тропинки.



П Е Р Л А М У Т Р О В К А



Рыжим пламечком мелькает она в сумраке леса, как только крылья о ветки не обобьёт! Садится на листья открыто и смело: быстра она и неуловима. А на ночь одевает «ночной халатик» — плотно сжимает крылья. Расшит «халатик» шёлком, жемчугом и перламутром. В таком можно спокойно спать, никто тебя не увидит. Лежит просто чешуйка коры, вся в жемчужных росинках и перламутровых паутинках. Кому такая нужна?

ПАВЛИНИЙ ГЛАЗ



За круглые пятнышки на крыльях, схожие с «глазками» павлиньих перьев, назвали его павлиний глаз. Но «глазастым» и ярким он бывает только тогда, когда ему ничто не грозит. Чуть мелькнёт тревожная тень — и павлиний глаз быстро захлопнет крылья, словно зажмурится. И сразу превратится в сухой незаметный листок. Минует беда, бабочка снова раскроет крылья. И снова засияют

на солнце четыре удивлённых и чуть испуганных «глаза».

Всех радует эта красивая бабочка. А вредит она одной лишь крапиве.

ПЕСТРЯНКА

Бабочка пёстрая, блестящая, нарядная. Только очень уж медлительная и ленивая! Бывает, часами сидит на одном цветке. И не одна, а с подругами. Не спеша ощупывают цветок хоботками и лапками. А крылышки искрятся и переливаются. Не знаешь, на что и смотреть: на пёстрый цветок или на разноцветных пестрянок? Так всем в глаза и бросаются. Но ни птицы, ни ящерицы их не трогают: очень уж они горькие и невкусные. Потому-то они такие ленивые и доверчивые.

ГОЛУБЯНКА

Голубянка маленькая, но красивая и живая. И очень полезная. Она опыляет цветы. Так же старательно и прилежно, как делают это шмели и пчёлы.

В тёплые тихие дни любят голубянки слетаться весёлыми стайками к мутным лужицам на дорогах. Тут они ползают, взлетают, садятся, гоняются друг за другом. И с удовольствием пьют из лужицы воду.



ТОПИК И КАТЯ



Дикого сорочонка назвали Катей, а крольчонка домашнего — Топиком. Посадили домашнего Топика и дикую Катю вместе.

Катя сразу же клюнула Топика в глаз, а он стукнул её лапой. Но скоро они подружились и зажили душа в душу: душа птичья и душа звериная. Стали две сироты друг у друга учиться.

Топик стрижёт травинки, и Катя, на него глядя, начинает травинки щипать. Ногами упирается, головой трясёт — тянет изо всех своих птенцовых сил. То-

пик нору роет — Катя рядом кружится, тычет носом в землю, помогает рыть.

Зато когда Катя забирается на грядку с густым мокрым салатом и начинает в нём купаться-трепыхаться и подскакивать — к ней на обучение ковыляет Топик. Но ученик он ленивый: сырость ему не нравится, купаться он не любит, и поэтому он просто начинает салат грызть.

Катя же научила Топика воровать с грядки землянику. Глядя на неё, и он стал объедать спелые ягоды. Но тут мы брали веник и прогоняли обоих.

Очень любили Катя и Топик играть в догонялки. Для начала Катя взбиралась Топику на спину и





начинала долбить в макушку и щипать за уши. Когда терпение у Топика лопалось, он вскакивал и пытался удрать. Со всех своих двух ног, с отчаянным криком, помогая куцыми крыльями, пускалась вдогонку Катя. Начиналась беготня и возня.

Однажды, гоняясь за Топиком, Катя вдруг взлетела. Так Топик научил Катю летать. А сам потом научился от неё таким прыжкам, что никакие собаки стали ему не страшны.

Так вот и жили Катя и Топ. Днём играли, ночью спали на огороде. Топик — в укропе, а Катя — на грядке с луком. И так пропахли укропом и луком, что даже у собак рядом с ними капали слёзы.

НОЧНАЯ КУКУШКА

Ночная кукушка
дневную перекукует.
Днём все ей мешают,
а ночью она одна.
Ночь весенняя, тёп-
лая. Глухо вода бор-
мочет, глухо урчат
лягушки. Свет мут-
ной луны с трудом
делит темноту на
небо и землю. И над
приглушённо бормо-
чущей тишиной раз-
носится печальное и далёкое кукование, словно бьют
невидимым молоточком по сияющим шляпкам звёзд.

Любо петь в ночной тишине. Все тебя слушают и до-
гадываются: скоро и их черёд.

Ночная кукушка как запевала. Всех будит до



КОЛЮШКА И УКЛЕЙКА

— Ну и влипли мы с то-
бой в историю, Уклейка!

— Ох, и не говори! Прямо
рыболову в ведёрко угодили.
У меня от испуга даже спинка
побледнела!

— А у меня от злости жи-
вот покраснел!

солнца. Проснутся и залетают над болотцем, скрипя крыльями, хохлатые чибисы. Уныло засвистят на седых кочках длинноносые кулики-кроншнепы: «Ку-ли-ик! Ку-ли-ик!»

Закудахтают в тёмной чапыге дрозды-рябинники. Журавли протрубят в гулкие трубы. Зяблик пропоёт бойко, с трескучим росчерком, словно горлышко прополощет. А там, глядишь, и солнце взойдёт.

Но это потом. А пока тишина и кукует ночная кукушка. Бьёт и бьёт невидимый молоточек по звонким звёздам: «Ку-ку, ку-ку!»

Если хочешь долго жить—поторопись в лес годы считать. Вот уж накукует их тебе ночная кукушка! На две жизни хватит. Ещё и останется!

НА ЗАРЯДКУ,

Утро начинается с зарядки. Я включаю радио и выхожу во двор. Катя-сороченок скачет за мной вдогонку. В окно несётся: «Поставьте ноги на ширину плеч. Первое упражнение — ПОТЯГИВАНИЕ. Начали: раз-два, раз-два! Очень хорошо!»

Ещё бы не хорошо: солнце и ветер!

«Новое упражнение — ПРИСЕДАНИЕ. Присесть. Встать. Присесть. Встать!»

Катя приседает, но вставать ей не хочется. Она насмешливо смотрит на меня, удивляясь моему послушанию.

А в окно: «Последнее упражнение — ДЫХАТЕЛЬ-



СТАНОВИСЬ!

НОЕ. Начали. Дышите глубже, глубже! Так, хорошо! Руки в стороны! Очень хорошо!»

Катя дышит старательно. И вот долгожданное: «Зарядка окончена, переходим к водным процедурам!» Катя не переходит, а перелетает к тазу с водой. Окунуться, плескаться, купаться она очень любит.

После купанья мы снова вместе. Мы сохнем и загораем. Я спрашиваю Катю о том и о сём. Она что-то бормочет, лопочет, стрекочет. Катя торопится: впереди день, полный событий и приключений. Вот Катя не выдержала и понеслась. Сейчас не выдержу и я.



СОРОКА-ВОРОВКА

Сорока-воровка деток кормила. Яичко украла — этому дала. Птенчика утащила — этому дала. А этому не дала: больше украсть не вышло.

Этот терпел-терпел, да как заорёт! Тут и попался мне в руки.

Я рад: сорочонка поймал!

Принёс домой, посадил в корзину. А он в корзине сидеть не хочет. Хочет, как все, на стуле. Сидит и орёт. Так рот разевает, что страшно: как рот пополам не разорвётся!

Заметался я с места на место.

В одном месте слепня поймал, в другом жука на-





шёл. Сунул сорочонку в рот, а ему мало. Крыльями трясёт, рот не закрывает, а уж орёт так орёт!

Я все места обегал — ничего не нашёл. А сорочонок со стула слез, стал за мной гоняться.

Я в буфет — крошки собрал, в кладовую — творогу взял, в огород — клубничку сорвал.

А ему всё мало. Клеваться начал.

Что делать? Я к соседям во двор. Из тазика рыбку утащил, с кустов смородины нащипал, на сливу за сливами полез. Тут-то меня и поймали: что тут за сорока-воровка?

Первый раз в жизни подумал я о сороке хорошо. Чем она виновата? Этому дай, этому дай, а взять-то где?

Меня вон один сорочонок и тот чуть до воровства не довёл. А у неё их пять!

КОМУ ПОМОЧЬ?

День и ночь кукушка в лесу кукует:

— Ку-ку! Ку-ку! Кому помочь? Кому помочь?

Только и слышно:

— Мне, кукушечка, помоги, мне!

— Не все сразу! Не все сразу! — отвечает кукушка. — По очереди! По очереди! Вот тебе, дрозд, какая от меня помощь нужна?

— Ой, нужна, кукушечка, уж так нужна! Первое моё гнездышко разорили, второе тороплюсь кончить: стебельки-травинки нужны, глина нужна. Помогла бы?

— Ты, дрозд, в своём



СОЙКА И ФИЛИН

— Эй, Филин! Да ты глухой, что ли?

— Я не глухой, я сердитый!

— На кого же ты сердишься?

— На весь белый свет! То ли дело зимой: ночь чёрная, непроглядная, никто тебя не увидит. А сейчас, в белую ночь, я у всех как бельмо на глазу. Всякая птичья мелюзга на тебя голос повышает. Ух, как я зол. Белый свет мне не мил!



уме? — удивилась кукушка. — Я и своего-то гнезда не вью, охота ли мне с твоим возиться? Да и работа грязная: глину меси, глину носи, стебельки пыльные собирай. Уж ты как-нибудь сам справляйся. Ку-ку! Ку-ку! Кому помочь? Кому помочь?

— Мне, кукушечка, мне помоги, иволге. День и ночь на яичках в гнезде сижу, ножки, крылышки затекли — ни попить, ни поесть. Подмени хоть на минутку!

— Что ты, иволга что ты! Я и своих-то яичек никогда не высиживаю — охота ли мне на чужих маяться. Подкинь ты их в чужое гнездо, да и порхай без забот! Ку-ку! Ку-ку! Кому помочь? Кому помочь?

СОЙКА И ДЯТЕЛ

— Чжээ — чжээ! Кгха!

— Что с тобой, Сойка, жёлудем, что ли, подавилась? Чего хрипишь на весь лес?

— Обманули меня, Дятел, люди. Вот и верь им после этого! Яйца, говорят, полезно сырые пить, то да сё... Я целое лето птичьи гнёзда грабила, всё лето сырые яйца пила, а что толку? Как был голос противный, хрипучий, так и остался. Гха! Чжээ!



— Мне, кукушечка, помоги, — запищала синица. — Дюжина синичат в дупле ждёт. Да у каждого аппетит за двоих. Шестьсот раз в день их кормлю.

— Только этого мне ещё не хватало! — рассердилась кукушка. — Я и своих-то кукушат никогда не кормила.

Услыхал кукушку лесной конёк, подлетел и спрашивает:

— А мне, кукушка, помочь сможешь?

— Помогу, коли захочу! — отвечает кукушка. — Что у тебя за работа? Тоже небось меси да носи, лови да корми?

— Я, кукушка, песню пою. Песни мне петь помоги, — говорит конёк. — От зари до зари пою. Аж в ушах звон!

— Вот это просьба так просьба! — обрадовалась кукушка. — Вот это по мне! А то заладили: принеси, посиди, покорми—слушать противно! Сами носите-кормите! А я лесному коньку песни буду помогать петь. От зари до зари. День и ночь. Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!

сердитые ГОЛОСА



Страшнее кошки зверя нет. Особенно для нас, птиц, живущих у человеческого жилья. Это же злодеи и душегубы. Жалуемся на кошек. Нет больше терпения. Хватают без разбору и старого и малого. Схватят и си-



дят себе на солнышке, жмурятся. Лапкой умываются. Смотреть противно!

И что только хозяева этих кошек думают? Мы им песни поём, комаров, мух ловим, гусениц в их

садах и огородах поедает, а они для нас пальцем пошевелить не хотят. Кошки разбойничают днём и ночью, а им и горя мало.

**ПОСЕЛКОВЫЕ И ДЕРЕВЕНСКИЕ ЛАСТОЧКИ, ВОРОБЬИ,
ГОРИХВОСТКИ, МУХОЛОВКИ, СКВОРЦЫ.**

Ребята любят ходить в лес с собаками. То в пограничников играют, то в индейцев. Они играют, веселятся, а мы слёзы льём. Потому что нос у собак чутыстый — не спрячешься, ноги быстрые — не убежишь. Хорошо ежу: съёжится в колючий клубок и пыхтит. А остальным что прикажете делать? Ноги у нас ещё слабые, крылья ещё короткие. Один голос громкий. Вот мы и просим: не берите собак с собой в лес! Пожалейте вы наши головы!

ЛЕСНЫЕ ПТИЧАТА И ЗВЕРЯТА.

Оскорбляют словом и действием! Кого обзывают мерзкими тварями? Нас, жаб. Уж мы такие, уж мы сякие! Мы и противные, и скользкие, и ядовитые. Почему у ребят на руках бородавки? Тоже, оказывается, от нас. А раз так — бей жаб!

А ведь мы пользу приносим. Поедаем в ваших огородах слизней, гусениц, личинок. И бородавки совсем не от нас. И не такие уж мы уроды: у нас красивые золотистые глаза...

Не нравится вид наш, так хоть наши дела уважайте!

СЕРЫЕ ЖАБЫ.





11/11/20

1р.52к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

МАДОУ детский сад № 2
г. Ивделя